

Asya Qui

ЖЕНА ДЬЯВОЛА

Asya Qui

Жена дьявола. Часть 2

«Литнет»

2025

Qui A.

Жена дьявола. Часть 2 / А. Qui — «Литнет», 2025

Лаззаро молчит. Изучает мое лицо так пристально, будто пытается залезть в черепную коробку и прочитать мысли, напечатанные на внутренней стороне лба.— Получается, расклад такой: ты одна. Беременная. С изуродованным лицом. Без защиты. Без дома. Без денег, скорее всего, или с жалкой подачкой. И с мужем-психопатом, который может вернуться и добить, если узнает про ребенка.— Пришли потыкать носом в безвыходность ситуации? — злость дает мне силы поднять голову. — Спасибо, я в курсе. Я лежала здесь и прекрасно осознавала глубину той задницы, в которой оказалась.— Я пришел не тыкать. Я пришел предложить выход.— Какой выход? Петлю и мыло?— Поедешь со мной.

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	7
Глава 3.	11
Глава 4.	15
Глава 5.	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Глава 1.

— «Сент-Джуд», — бормочу в пустоту, оглядывая палату, больше похожую на номер в пятизвездочном отеле. — Всё лучшее для бывшей жены. Сервис по высшему разряду, чтобы жертва не скулила.

Рука дрожит, когда я тянусь к графину с водой. Внутри плавают дольки лимона и веточки мяты. Наливаю в стакан, делаю глоток, ледяная жидкость немного остужает пожар внутри, но руки меня не слушаются, стакан наклоняется, и вода выплескивается на шелковую пижаму, которую мне выдали взамен окровавленной футболки.

Мокрое пятно расползается по ткани. Смотрю на сгиб локтя — там аккуратный пластырь телесного цвета, прикрывающий место укола. Медсестра порхала вокруг меня десять минут назад, извиняясь за «малейший дискомфорт». Они все здесь такие вежливые, такие предупредительные. И никто, абсолютно никто не смотрит мне в глаза — они смотрят на пластырь на моей щеке, потом быстро отводят взгляд и спрашивают про стул и аппетит.

Щелк.

Звук замка разрезает тишину палаты, заставляя сердце пропустить удар.

Дверь открывается бесшумно, впуская в комнату полоску света из коридора.

На пороге — мужской силуэт.

Я жду врача. Или Марко с очередной порцией инструкций, как мне жить дальше.

Но входит Лаззаро.

Он закрывает за собой дверь и спокойно, с леденящей кровь неторопливостью, проворачивает замок. Два оборота.

Внутри все превращается в жидкий азот. Он здесь. Враг. Тот, из-за кого все началось. Тот, кто стал катализатором.

— Не бойся, — от глубины его голоса по спине бегут мурашки. — Я не собираюсь причинять тебе вред.

Вжимаюсь спиной в подушки так сильно, что кровать скрипит.

— Как... — кашляю, продирая саднящее горло. — Как вы меня нашли? Как вообще сюда попали? Тут же охрана, камеры...

Тупые вопросы. Господи, Аделина, какие к черту камеры? Перед тобой стоит человек, который убил отца Данте и ушел безнаказанным.

Лаззаро неспешно проходит в палату, окидывая ее оценивающим взглядом. Придвигает стул, разворачивает его спинкой к стене и садится напротив меня.

— Покажи.

— Что?

— Лицо. Сними пластырь.

Отшатаваюсь, закрывая щеку рукой.

— Уходите. Я не хочу вас видеть. Это из-за вас... Всё это из-за вас! Проваливайте!

— Снимай, — перебивает без агрессии, но твердо. — Я должен видеть, что он сделал.

Не двигаюсь. Смотрю на него с ненавистью, которая должна бы испепелять, но у меня нет сил даже на нормальный гнев.

— Если не снимешь сама, я позову врача. Или сниму сам. У меня нет времени на уговоры и твои комплексы.

Он сделает это. Подойдет и сорвет повязку. Ему плевать на мою боль.

Дрожащими пальцами цепляю край наклейки. Мне больно, мне стыдно, мне хочется провалиться сквозь землю, но спорить сил нет. Резко дергаю, вскрикивая от прострела.

Лаззаро смотрит. Не морщится, не отводит взгляд, не изображает фальшивого сочувствия. Он изучает красный росчерк на моей щеке, стянутый черными нитками.

— Могло быть хуже, — наконец произносит он. — Шрам останется, но пластика исправит рельеф.

— Спасибо за консультацию, — леплю пластырь обратно, стараясь скрыть дрожь в руках. — Вы всё увидели? Довольны? Теперь уходите.

Он не уходит. Его взгляд падает на тумбочку. Там, рядом с графином, лежит планшет с электронной картой пациента, который забыла доктор Ким, заходившая пять минут назад. Экран все еще светится.

Лаззаро протягивает руку, берет планшет.

— Эй! Это мое! Это личное!

Он игнорирует мой выкрик. Скользит пальцем по экрану. Его брови ползут вверх, и на лице появляется первая за все время эмоция — искреннее удивление.

— ХГЧ 700... — он поднимает на меня глаза. — Ты беременна?

Воздух выбивает из легких ударом под дых. Он знает. Теперь и он знает. Мой самый страшный, самый опасный секрет больше не секрет.

— Это не ваше дело. Положите планшет.

— Четыре недели, — он кладет гаджет обратно, но продолжает смотреть на меня так, будто видит впервые. — Данте знает?

Молчу. Вцепляюсь пальцами в одеяло, комкая ткань.

Если скажу "да" — совру. Если скажу "нет" — подтверждаю свою уязвимость. Но он не идиот. Он умеет складывать два и два.

— Судя по тому, что ты здесь одна, зализываешь раны, а он не разнес эту клинику на кирпичи, пытаюсь вернуть свою собственность — нет, не знает. — Лаззаро откидывается на спинку стула, скрещивая руки на груди. — Значит, он вышвырнул тебя, порезал лицо и вычеркнул из жизни, не зная, что вышвыривает своего наследника. Или наследницу.

— Он бы убил ребенка, — шепчу я. — Он сказал бы делать аборт.

Лаззаро молчит. Изучает мое лицо так пристально, будто пытается залезть в черепную коробку и прочесть мысли, напечатанные на внутренней стороне лба.

— Получается, расклад такой: ты одна. Беременная. С изуродованным лицом. Без защиты. Без дома. Без денег, скорее всего, или с жалкой подачкой. И с мужем-психопатом, который может вернуться и добить, если узнает про ребенка.

— Пришли потыкать носом в безвыходность ситуации? — злость дает мне силы поднять голову. — Спасибо, я в курсе. Я лежала здесь и прекрасно осознавала глубину той задницы, в которой оказалась.

— Я пришел не тыкать. Я пришел предложить выход.

— Какой выход? Петлю и мыло?

— Поедешь со мной.

Глава 2.

Смотрю на Лаззаро, и мне кажется, что он просто издевается. Жестоко, изощренно, как кошка с полудохлой мышью.

— Что, простите? — переспрашиваю я, надеясь, что ослышалась. Что это глюк от обезболивающих.

Лаззаро даже не моргает.

— Вестчестер. Закрытая территория. Два периметра охраны. Камеры на каждом углу. Врачи для сложных случаев, которые умеют держать язык за зубами и не задают лишних вопросов. Прислуга. Полное обеспечение. Твое и ребенка.

Вцепляюсь в одеяло так, что ногти вот-вот порвут ткань.

Он серьезно. Он реально предлагает мне это. Враг моего мужа, человек, который заварил всю эту кашу, теперь стоит тут и изображает доброго самаритянина. "Полное обеспечение". Ага. А потом он выставит мне счет. И платить придется не деньгами.

Пытаюсь скривиться в усмешке, но левая половина лица взрывается болью. Швы натягиваются, кожа горит. Черт, как же больно.

— Утром муж исполосовал мне лицо скальпелем, — шиплю, глядя ему прямо в его бесстрастные глаза, — а вечером вы предлагаете мне «всё включено» в загородном доме? Где подвох? Потому что он есть. Бесплатный сыр бывает только в мышеловке, и то для второй мыши. Я какая по счету?

— Подвоха нет.

Делаю рывок вперед, забыв о том, что я сейчас слабее котенка. Ошибка. Голова кружится, комната делает кульбит. Хватаюсь за холодный бортик кровати, чтобы не рухнуть мордой в пол и окончательно не потерять остатки достоинства.

Слабачка. Какая же я слабая. Даже наорать на него нормально не могу, сразу плачу.

— Это что, акция «Спаси бывшую врага»? — задыхаюсь, воздуха не хватает, легкие горят.

В его глазах — абсолютный ноль. Ни раздражения, ни жалости, ни насмешки. Ледяная пустыня. Это пугает больше всего. Если бы он злился, я бы поняла. Но это спокойствие... оно нечеловеческое.

— Посмотри правде в глаза, — он наклоняется ко мне, вторгаясь в личное пространство. — Без истерик и иллюзий. Куда ты пойдешь? На улицу? В дешевый мотель? К родителям?

Откидываюсь на подушку, пытаюсь выровнять дыхание. Он бьет по больному. Знает, сука, куда бить. Знает все мои слабые места, будто читал мое личное досье перед сном.

— Я разберусь. Сама.

— Разберешься? — его бровь ползет вверх. В этом мелком жесте столько скепсиса, что хочется врезать ему по этой идеальной физиономии. — Как? Расскажи мне свой гениальный план. Я слушаю. Внимательно.

— Сниму жилье. Найду работу. Деньги будут, Данте обещал...

— Деньги не спасут от пули, — перебивает он жестко, рубя мои жалкие аргументы на корню. — Сколько ты протянешь в городе? Сутки? Двое? Пока кто-нибудь не пронюхает, что жена Марчелли осталась без защиты? Ты для них — ходячий трофей. Способ достать Данте. Унизить его. Тебя похитят, изнасилуют и отправят ему по почте кусками в коробке из-под обуви. Просто чтобы посмотреть на его реакцию.

Внутри все обрывается.

Черт.

Он прав. Ненавижу это признавать, ненавижу его правоту, но он, мать его, прав. Я думала о том, что поест и где переночевать. Я забыла, в каком мире жила последние полтора месяца. В мире, где людей режут на куски в подвалах, а потом идут пить кофе.

Я — мишень. Ходячая мишень с неоновой вывеской «Жена Марчелли» на лбу. И каждый ублюдок в этом городе захочет выстрелить.

Сразу представляю грязные руки, запах перегара, блеск ножа в темном переулке. Удар в живот.

Рефлекторно накрываю ладонью низ живота. Защитить. Спрятать то, что там внутри. Даже если я этого не хочу — это мое. Мое тело. Моя ответственность.

— Вы меня запугиваете, — шепчу. Страх липкий, противный, ползет по спине холодными пальцами.

— Я говорю факты, — он сверлит меня взглядом, пригвождает к подушке. — Единственная реальная защита сейчас — это я. Выбор простой: мой дом или городской морг.

Смотрю на него. Ищу ложь, подвох, хоть тень сомнения. Не нахожу. Только железобетонную уверенность человека, который привык все контролировать.

— А вам это зачем? — задаю вопрос в лоб. Терять мне нечего, хуже уже не будет. — Рискуете, тратитесь, нанимаете людей, платите врачам... За красивые глаза? У меня сейчас с этим проблемы, если не заметили.

— У меня свои мотивы.

— Да неужели? И это, конечно, никак не связано с Данте? Не связано с ребенком, которого я ношу? Не связано с возможностью насолить ему? Вы же враги. Вы же, наверное, спите и видите, как бы друг другу глотку перегрызть.

Он даже не моргает. Лицо — маска. Ни один мускул не дрогнул.

— Нет. Данте здесь ни при чем.

— Врете. Вам нужен наследник. Хотите воспитать его, чтобы через двадцать лет натравить на отца? Как в гребаном кино? Или просто пошантажировать Данте: «Смотри, твой сын у меня, сделай то-то и то-то»? Я смотрела эти фильмы, Лаззаро. Я знаю, как это работает. Я не идиотка!

— Я не воюю детьми.

— Тогда зачем?! — ору, срывая голос. Пытаюсь встать, но ноги путаются в простыне, и я валюсь обратно. Бессилие накрывает с головой. — Зачем я вам? Я — балласт! Беременная, истеричная, с порезанной физиономией! От меня одни проблемы! Нахрена я вам сдалась?! Я ничего не могу вам дать!

Меня трясет. Зубы стучат друг о друга так, что челюсть сводит. Я стою перед ним (ну, почти стою) в больничной пижаме, босая, жалкая, и ору, требуя правды, которую он все равно не скажет.

Лаззаро медленно встает. Плавно, как хищник, почуявший добычу. Подходит к окну. Поворачивается ко мне спиной, глядя на город.

— С практической точки зрения — ты права. Ты проблема.

Ну вот. Наконец-то правда. Я проблема. Обуза. Лишний рот. Ничего нового.

— Но есть человек, для которого ты — не проблема. А необходимость.

Хмурюсь. Голова раскалывается, мысли путаются.

О чем он? Какой человек? У меня никого нет. Все отвернулись. Все предали. Мать, отец, муж... Все. Я одна в вакууме.

— Кто? — спрашиваю тихо, почти с надеждой, которую тут же давлю.

Лаззаро поворачивается. Свет падает на его профиль, делая черты лица резкими, хищными.

— Ребекка.

Бекка.

Моя рыжая Бекка. Моя морковка.

В этом аду я совсем забыла про нее. Забыла, что она у него. Что она живет в его доме, ест его еду, дышит его воздухом.

— Она будет рада, если ты приедешь, — он видит, как меняется мое лицо. Видит, что нашел рычаг. Сволочь. Расчетливая сволочь. — Она скучает.

— Вы используете её, — цежу сквозь зубы. Ненавижу его в этот момент больше, чем Данте. Больше, чем всех на свете. — Манипулируете мной через шестнадцатилетнюю девочку. Это дно. Это ниже плинтуса.

— Я использую то, что работает, — отвечает он холодно. — Бекка в безопасности. Там же, куда я зову тебя. Ты можешь быть с ней. Можешь убедиться, что с ней все в порядке. Можешь жить рядом.

Кусаю губу. Кровь солоноватая на языке.

Бекка там.

И я могу быть с ней. Не одна в вонючей ночлежке, вздрагивая от каждого шороха, боясь собственной тени, а с ней. Пить чай, болтать о ерунде, просто знать, что я не одна во вселенной. Что есть кто-то, кому я нужна.

— Допустим. Допустим, я соглашусь. Чисто гипотетически. На каких условиях?

— Условиях? — он удивленно приподнимает бровь.

— Что меня ждет? Ошейник и цепь? Видеонаблюдение в душе? Право голоса по праздникам? Я из одной клетки в другую перебираться не хочу. С меня хватит хозяев.

— Статус члена семьи.

Фыркаю. Звучит как издевательство. Член семьи убийцы. Заманчиво.

— Конкретнее. Без пафоса.

— Своя комната, — загибает длинные пальцы. — Свобода передвижения. Никто не лезет. Гуляй, спи, делай что хочешь. Врачи, еда — по первому требованию. Никаких обязательств. Никакого контроля.

— А когда я рожу? — перебиваю. Живот сводит от одной мысли об этом. — Что потом?

— Решать тебе, — смотрит прямо в глаза. Взгляд честный, открытый. Бесит. — Захочешь уйти — помогу. Документы, деньги, новая жизнь где угодно. Хоть в Австралии. Захочешь остаться — оставайся.

Слишком хорошо. Сладко до тошноты. Где подвох? Должен быть подвох. Не бывает так.

— Почему я должна верить? — шепчу. — Вы же можете использовать меня как щит. Как живую приманку для Данте.

Лаззаро достает пачку сигарет. Крутит в руках. Нервничает? Или просто привычка? Единственное живое движение за весь разговор.

— Могу. Но есть нюанс: мне плевать на Данте. Плевать на его бизнес, на его наркоту, на его амбиции. Мне не нужна война. Я вернулся не за этим.

— Тогда зачем? — вскидываю руки. Капельница натягивается, игла дергает вену. — Зачем вам этот геморрой со мной?

— Я же сказал: свои мотивы.

Откидываюсь на подушку. Висок пульсирует, будто там бомба тикает.

— «Всё сложно», «потом поймешь», «не твоего ума дело». Как же достало. Вы все одинаковые. Держите нас за дур, за красивых кукол. Скажите правду! Что вами движет? Мечь? Жалость? Скука? Вам просто прикольно наблюдать, как я корчусь?

— Правду? — усмехается. Улыбка холодная, кривая. — Если я скажу тебе правду прямо сейчас, ты решишь, что я псих. Или что ты спишь.

— Попробуйте. Меня сейчас сложно удивить. После всего этого дерьма у меня иммунитет к шоку.

Смотрит долго. Изучает. Я вижу, как дергается мышца на его скуле. Хочет сказать. Сдерживается. Боится спугнуть? Или правда думает, что я не готова?

— Всеу свое время. Узнаешь. Скоро.

Убирает сигареты. Достает визитку. Кладет на тумбочку. Белый прямоугольник на стекле выглядит как приговор.

— Адрес и мой личный номер. Думай. День, максимум два. Не тяни. Время работает против тебя.

— Уходите? — вырывается с паникой. Я ненавижу себя за этот вопрос, но я не хочу оставаться одна в этих стенах.

— Тебе надо отдохнуть. А мне — подготовить дом к твоему приезду.

Будто я уже согласилась. Будто все решено.

— Я еще не согласилась! — кричу ему в спину. Пытаюсь вернуть контроль, показать зубы.

— согласишься, — бросает он, не оборачиваясь. Рука на ручке. — Потому что ты умная. И потому что ты хочешь к Бекке.

Дверь закрывается с мягким щелчком.

Одна. Снова одна.

Смотрю на визитку. Пальцы дрожат так, что я прячу руки под одеяло.

Спокойно. Не паниковать. План Б. У меня должен быть план Б.

Хватаю телефон. Открываю приложение по аренде. Фильтр "до 1000 долларов". Карта Нью-Йорка пустеет на глазах, оставляя жалкие крохи.

Студия в Квинсе. 850 долларов. Открываю фото. Жесть. Окно в кирпичную стену, черная плесень на потолке, линолеум задран. Крысиная нора. Я там загнусь вместе с ребенком через неделю.

Комната в Бруклине. Три соседки. "Без детей, без животных, без гостей". Пролетаю. Меня вышвырнут при первом же крике младенца.

Подвал в Джерси. Комната без окон. Хостел с двухъярусными нарами.

Сердце колотится в горле, перекрывая кислород. Денег нет. А если Данте и переведет — надолго ли их хватит? И сколько вообще там будет? Роды, врачи, памперсы, еда... Это черная дыра, которая будет жрать все финансы.

Бросаю телефон на одеяло. Экран гаснет, отражая мое перекошенное лицо с пластырем.

Родители? Представляю маму. В халате, с бокалом вина, лицо отечное.

"Я же говорила. Закончишь в канаве. Опозорила нас. Ты всегда была ошибкой".

И дверь перед носом. Бах.

Нет. Лучше под мост. Лучше сдохнуть, чем дать им это удовольствие.

Снова смотрю на визитку. Лаззаро Лучано. Враг. Убийца. Спаситель?

Но у него Бекка. И дом-крепость. И деньги.

Засовываю визитку под подушку. Спрятать. Будто если не вижу, то и выбирать не надо.

Но я уже знаю ответ. Я позвоню. Потому что выбора нет. И я до смерти хочу увидеть Бекку.

И еще... мне дико интересно, что за "мотивы" у этого урода. Что он скрывает? Какую игру ведет?

Закрываю глаза. Притворяюсь, что у меня есть выбор. Хоть на одну ночь. Притворяюсь, что я еще что-то решаю в своей жизни.

Глава 3.

Данте

Лед в стакане уже не гремит. Он растаял, превратив дорогой виски в мутную, разбавленную мочу.

Смотрю на эту жижу, и меня передергивает. Не от вкуса — я даже не пил. От того, что стоит перед глазами.

Бледная кожа, натянутая на скуле, и тонкая сталь скальпеля, которая проваливается внутрь, выпуская красную полосу.

Сука.

Сжимаю стакан так, что пальцы белеют, теряя чувствительность. Если нажму чуть сильнее — стекло лопнет, вопьется в ладонь, смешает виски с кровью. Может, тогда попустит? Физическая боль всегда понятнее. А вот с той дырой, что образовалась в груди после её ухода, договориться не получается.

Бесит не то, что я сделал. Я в своей жизни людей на куски резал, в кислоте растворял, мне не привыкать быть чудовищем. Бесит, как она это приняла.

Если бы она орала, если бы проклинала, кидалась на меня — было бы проще. Но она молчала. Сидела, примотанная скотчем к стулу, и смотрела так, будто это не я её режу, а она меня хоронит. Без злости. С какой-то ебаной, вселенской усталостью.

Телефон на столе загорается. Уведомление из банка.

Смахиваю, не читая. Я знаю, что там. Подтверждение перевода. Два миллиона долларов.

Мой способ сказать «прощай». Или «прости». Или «подавись». Я сам не знаю, что это. Просто рефлекс — вышвырнул собаку на мороз, но кинул ей кусок мяса, чтобы совесть не грызла.

Не помогло. Грызёт.

Дверь открывается без стука.

Марко.

Вид у него такой, будто он только что увидел призрака. Или, что вероятнее, пришел сообщить мне, что мой мир окончательно рухнул в преисподнюю.

— Ну? — спрашиваю, не поднимая головы. — Документы у нас?

Марко проходит внутрь, закрывает дверь на замок. Плохой знак. Очень плохой.

— Нет документов, Данте.

— В смысле «нет»? — поднимаю на него глаза. — Голдман заартачился? Или ты разучился убеждать людей?

— Убеждать некого и не в чем, — Марко подходит к столу, но не садится. Нервничает. — База пуста.

Хмыкаю.

— Что значит пуста? Глюк сервера?

— Нет. Зачистка. Журнал посещений, карты, снимки, даже счета за электричество в то время — всё стерто. Аделины Росс там не было. Аделины Марчелли — тоже. Никаких следов. Словно в ту палату никто не заселялся.

Медленно выпрямляюсь в кресле. Стекло стакана скрипит в пальцах.

— Камеры, — говорю тихо.

— Серверная была подчищена. Но мы вытащили бэкап с облака охраны. Они про него, видимо, не знали.

Марко кладет планшет передо мной.

— Смотри.

Нажимает плэй.

Холл клиники. Стерильный свет. Пустота. Таймкод в углу мотает секунды.

22:02.

В кадр входит фигура.

Воздух застревает в глотке.

Этот силуэт я узнаю даже в аду. Даже если мне выжгут глаза.

Походка. Осанка. То, как он держит руки.

Лаззаро.

— Сука, — выдыхаю.

На видео к нему подбегает коротышка в белом халате. Голдман. Владелец этой грёбаной богадельни. Кланяется, чуть ли не ручку целует. Ведет его по коридору, как ВИП-клиента.

Они останавливаются у палаты 204.

Лаззаро кивает Голдману. Тот испаряется.

Лучано поправляет пиджак. Спокойно. Буднично. И толкает дверь.

Экран гаснет.

— Двадцать две минуты, — голос Марко звучит глухо, будто через вату. — Он был внутри двадцать две минуты.

Двадцать две минуты.

Стакан в моей руке взрывается. Осколки впиваются в кожу, виски заливают стол, но мне плевать. Я смотрю на погасший экран планшета и вижу только одно: как он заходит к ней.

— Она... — горло сдавливает спазм. Приходится прокашляться. — Где она сейчас?

Марко молчит. И это молчание красноречивее любого ответа.

— Говори! — рявкаю я. — Ты язык проглотил?!

— Она ушла с ним, Данте.

Мир качнулся.

— Утащили?

— Нет.

— Угрожали? Ствол у виска?

— Нет.

Марко достает телефон, листает галерею.

— Смотри второй файл. Парковка. Служебный выход.

Смотрю.

Черный седан. Водила открывает заднюю дверь.

Выходит Аделина. На щеке пластырь. В руке сумка. Она не бежит. Не оглядывается. Не вырывается.

Она просто садится в машину.

Сама.

— Блядь...

3.1

Откидываюсь на спинку кресла. Смех распирает грудь — злой, ядовитый, болезненный.

— Она ждала его... Конечно ждала. А я где-то там, глубоко, реально хотел верить в эти её большие испуганные глаза. «Я не знала, кто он», «Встречи были случайными»... Какая же она талантливая актриса!

А я-то... Я-то, идиот, мучился. Думал: «Перегнул». Думал: «Сломал девчонку». Два миллиона перевел, чтобы совесть заткнуть! Чтобы у неё был шанс начать сначала!

А у неё всё было схвачено.

— Она нас поимела, Марко, — говорю тихо, глядя в потолок. — Как детей. Втерлась в доверие, сыграла жертву. И как только стало жарко — прыгнула в тачку к своему настоящему хозяину.

— Может, ей просто некуда было идти? — осторожно предполагает Марко. — Ты выгнал её. Бабки на тот момент она могла ещё не увидеть. Лицо порезано...

— Я дал ей свободу! — ору, сметая осколки со стола. Кровь с ладони брызжет на бумаги. — С двумя миллионами она могла купить себе остров! Могла улететь на другой конец света! Но она выбрала его!

— Данте...

— Заткнись! Не защищай её!

Встаю, подхожу к окну. Она с ним. Что они делают сейчас? Обсуждают меня? Готовят, что-то? Трахаются? От последней мысли темнеет в глазах.

— Сожги всё, — говорю, глядя на своё отражение в стекле.

— Что?

— Вещи. Тряпки её. Подарки. Книги эти её дебилские. Всё, что она трогала. Собери на заднем дворе и сожги к херам.

— Босс, там драгоценностей на состояние. Шмотки, сумки... Можно же продать, или...

— Ты глухой?! — разворачиваюсь резко. — Мне не нужны деньги! Мне нужно, чтобы в этом доме не воняло ею! Чтобы ни одной нитки не осталось! Пепел! Я хочу видеть только пепел!

Марко кивает. Гребные эмоции, как же меня сейчас распирает от них. Ярость, злость, гнев. Нужно взять себя в руки, но я, сука, не могу.

— Сделаю. Сейчас же парней напругу.

Он уже берется за ручку двери, когда я его останавливаю.

— Стоп. Есть ещё кое-что.

— Да?

— Слух.

Он замирает.

— Какой слух? Что она сбежала?

— Нет, — подхожу к нему вплотную. — Скажешь всем, что она мертва.

У Марко глаза на лоб лезут.

— Ты что несешь? Нахрена? Копы же...

— Плевать на копов! — перебиваю. — У нас свои законы. Для улицы, для семей, для всех этих шакалов — Аделина Марчелли мертва. Я убил её. За предательство. Лично. Понял?

— Данте, это безумие. Это привлечет внимание федералов. Зачем вешать на себя мокрую, которой не было?!

— Затем! — хватаю его за ладканы. — Если они будут думать, что она жива — её будут искать! Чтобы добраться до меня! Чтобы шантажировать! Они будут рыть землю! А мертвецов не ищут. Мертвые никому не нужны.

— Ты... — смотрит на меня с диким недоумением. — Ты что, защищаешь её? После того как она уехала с Лаззаро? Ты серьезно сейчас её прикрываешь?

Разжимаю пальцы, отталкиваю его.

— Я не защищаю её. Я защищаю то, что было моим. Никто не смеет трогать мою жену. Даже бывшую. Только я решаю, когда ей сдохнуть. Для всех остальных — она уже труп. Тема закрыта.

Марко качает головой, но не спорит.

— Понял. Пушу слух сегодня же.

Он лезет в карман брюк.

— Кстати. Чуть не забыл.

Вытаскивает что-то маленькое, блестящее.

Кладет на край стола.

Дзынь.

Золото ударяется о дерево.

Смотрю на кольцо. То самое, с огромным камнем. Перевожу взгляд на свою левую руку.

— Где взял? — голос сел.

— В палате осталось. На тумбочке лежало. Рядом с графином воды.

Она сняла его.

Не продала. Не забрала. Просто оставила.

— Уйди, — говорю.

Марко исчезает за дверью.

Беру кольцо в руку. Оно холодное. Тяжелое.

Сжимаю его в кулаке.

Она выбрала сторону.

Она ушла к убийце моего отца.

И я, блядь, до сих пор не могу заставить себя её ненавидеть так, как должен. Я придумываю схемы, как её прикрыть, пока она, возможно, трахается с моим врагом.

Разжимаю ладонь. Кольцо лежит в лужице крови.

— Сука, — шепчу в тишину кабинета. — Какая же ты сука, принцесса.

Глава 4.

Аделина

Ещё одна кочка, ещё один резкий поворот руля, и мой скудный больничный завтрак окажется на этой безупречной бежевой коже.

Мы налетаем на очередной стык асфальта. Машину подбрасывает. Меня подбрасывает вместе с ней, и внутренности делают сальто.

Стучу по тонированному стеклу перегородки. Сначала костяшками, потом — раскрытой ладонью, со всей силы.

— Окно! Откройте чертово окно, мне дышать нечем!

Ноль реакции. Лысый затылок водителя даже не дергается.

Откидываюсь назад, зажмуриваясь до цветных пятен.

В кармане жжет пальцы визитка Лаззаро. Мну её, сгибаю уголки, превращаю в труху. В голове эхом отдается наш разговор. Тот момент слабости, когда я сдалась.

— Слушаю.

Один гудок. И этот спокойный, уверенный голос.

— Это Аделина, — выдавила. — Я... я согласна. Заберите меня.

В трубке повисла тишина. На секунду мне показалось, что он передумал. Что предложение аннулировано, и сейчас он просто рассмеется и отключится.

— Когда выписка?

— Через полчаса. Врач только документы подпишет.

— Черный седан у служебного выхода. Номера семь-три-девять.

— Как я пойму, что это ваши люди? — спросила, чувствуя себя параноиком. — Пароль? Условный знак?

Он издал звук, похожий на усмешку.

— Аделина, ты выйдешь через черный ход с заклеенной щекой и с сумкой в руках. Уверяю тебя, мои люди умеют определять цели.

Машину резко кидает влево. Ремень безопасности врежется в ключицу, вышибая воздух из легких. Распахиваю глаза, готовая заорать, и... застываю.

Яркий дневной свет бьет по сетчатке. Инстинктивно прикрываю лицо рукой. Смотрю сквозь пальцы в окно и чувствую, как кровь отливает от лица.

Где, черт возьми, деревья? Где обещанные лужайки Вестчестера? Где загородная тишина?

Вокруг стекло, бетон и сталь. Небоскребы закрывают небо. Мы в центре. Мы, мать твою, в Манхэттене.

— Куда мы едем?! Вы пропустили поворот на шоссе! Нам на север!

Он меня игнорирует.

— Я с кем разговариваю?! — бью кулаком по перегородке, чувствуя, как страх сменяется холодной, колючей злостью. — Разворачивайся! Сейчас же! Мне сказали Вестчестер! Вы везете меня не туда! Это похищение?!

Водитель резко крутит руль вправо. Нас вжимает в сиденья. Мы ныряем в переулок. А потом — резкий спуск вниз. В зияющую пасть подземного паркинга.

Паника накрывает с головой.

Ловушка.

Данте. Он перехватил звонок. Он знал. Или Лаззаро... Может, он просто решил, убить меня здесь, в тихом подвале?

Мы спускаемся. Уровень G мелькает серым пятном. Минус один. Минус два. Давление на уши растет. Темнота сгущается, становится почти осязаемой.

— Останови машину! — дергаю ручку двери, хотя знаю, что она заблокирована. — Выпусти меня! Слышишь, урод?! Если со мной что-то случится...

Машина тормозит на минус четвертом уровне. Здесь тихо. Пусто. Мертвый свет люминесцентных ламп отражается в масляных лужах на бетоне.

Щелк.

Замки разблокированы. Вжимаюсь в угол. Сумка — мое единственное оружие. Если он откроет дверь, я ударю. В висок, в глаз, в горло. Плевать.

Дверь распахивается.

Замахиваюсь, но рука замирает в воздухе.

Это не водитель.

Передо мной стоит другой мужчина. Поджарый, в сером костюме. В ухе прозрачная спиралька гарнитуры.

— Миссис Марчелли. На выход. Конечная.

— Кто ты такой? Где Лаззаро?

Он даже не моргает.

— Я начальник службы безопасности. И у меня нет времени на ваши истерики, Аделина. У вас два варианта. Вариант А: вы выходите сами, как взрослая женщина. Вариант Б: я вытаскиваю вас силой, перекидываю через плечо и несу. Учитывая ваше состояние и швы на лице, вариант Б будет болезненным и унижительным. Выбирайте.

Он не блефует. Ему плевать на мои слезы, на мой живот, на мою боль. Ему дали приказ доставить пакет. Я — пакет.

Медленно разжимаю пальцы. Выползаю из машины. Ноги не держат, колени дрожат предательской дробью. Мужчина берет меня под локоть. Не больно, но хватка железная.

— Лифт прямо по курсу. Шевелитесь. Мы отстаем от графика.

Он тащит меня к стальным дверям, врезанным в глухую стену. Прикладывает магнитную карту. Писк. Зеленый огонек. Двери разъезжаются с тихим шипением.

Внутри Лаззаро.

В идеально выглаженной рубашке, руки скрещены на груди.

Охранник остается снаружи. Двери смыкаются, отрезая нас от мира. Кабина плавно трогается вверх. Меня снова мутит, желудок делает сальто, но я глотаю слюну, заставляя себя стоять прямо.

— Это похищение? Решили пропустить этап вежливости и сразу перейти к уголовщине?

— Это меры безопасности, Аделина. Не драматизируй.

— Безопасности?! — делаю шаг к нему, забыв про страх. — Вы обещали дом! За городом! Свежий воздух, покой! А притащили в бетонный бункер под землю, а теперь тащите в какую-то башню! Вы лжец, Лаззаро! Патологический лжец!

— Это пентхаус. Самое безопасное здание в городе.

— Мне плевать, что это! — ору, глядя, как цифры этажей сменяют друг друга. — Где Бекка? Вы сказали, я увижу ее сразу! Вы использовали ее имя, чтобы выманить меня?

— Ты увидишь её вечером.

Он достает телефон из кармана, начинает что-то быстро печатать. Большим пальцем, не глядя на экран.

— Вечером?! — задыхаюсь от возмущения. — Мы договаривались сейчас! Сию секунду! Я не подписывалась сидеть в золотой клетке и ждать аудиенции!

Он поднимает глаза.

— Прекрати орать. Сейчас нам нужно убедиться, что ты чистая.

— Я мылась в больнице!

— Не в этом смысле. Я не знаю, на что способен твой муж в состоянии аффекта. Я не повезу тебя в основной дом к Ребекке, пока не буду точно знать, что за тобой не было хвоста. Мы переждем здесь, сменим машину, и только тогда поедем. Тебе ясно?

Лифт останавливается. Двери открываются.

Свет. Ослепительный свет бьет в глаза. Огромное пространство, залитое солнцем. Панорамные окна от пола до потолка, за которыми расстилается город. Белый ковер, белая мебель. Стерильность.

Выхожу. Ноги утопают в густом ворсе ковра.

— Проходи, — кивает Лаззаро, убирая телефон. — Чувствуй себя как дома. Пока что.

— Я пить хочу, — бурчу, прислоняясь к стене.

— Вода, сок? — он идет к барной стойке, на ходу закатывая рукава рубашки.

— Воды. Просто воды.

Опираюсь о стену, чтобы не сползти на пол. Взгляд блуждает по комнате. Дорого. Безжизненно.

Мой взгляд цепляется за кресло у окна. Высокое, дизайнерское, с «ушами», оно стоит спинкой ко мне. Я думала, оно пустое. Просто часть интерьера.

Но нет.

На подлокотнике лежит рука. Женская рука. Тонкое запястье, бледная кожа, аккуратный маникюр. Она неподвижна.

Сердце пропускает удар, потом начинает колотиться с удвоенной силой.

— Кто это? — спрашиваю шепотом, кивая на кресло. — Телохранитель в юбке? Или вы держите здесь гарем?

Лаззаро замирает с графином в руке. Вода плещется о стенки. Он ставит его на стойку.

— Нет. Это не телохранитель. И не гарем. Это... — он делает паузу. — Это причина, почему мы приехали именно сюда.

— Опять ваши чертовы загадки? — отрываюсь от стены. — Слушайте, я устала, я голодная, меня тошнит, у меня лицо болит так, что хочется лезть на стену! Либо вы говорите прямо, кто там, либо я уйду пешком по лестнице!

Он смотрит на меня долго. Потом переводит взгляд на кресло.

— Мия, — произносит он отчетливо. — Повернись.

Кресло начинает вращаться.

Вижу джинсы. Кашемировый свитер. Хрупкие плечи. Светлые волосы, рассыпанные по плечам.

А потом — лицо.

Легкие каменеют. Мозг отказывается обрабатывать сигнал от глазных нервов.

Этого не может быть.

Это сон. Кошмар. Галлюцинация. Данте перерезал мне не щеку, а горло, я умерла, и это мой персональный ад.

На меня смотрит девушка.

Мои волосы.

Мой нос с горбинкой.

Мои губы.

Мои глаза — синие, с темными крапинками у зрачка.

Только кожа... Кожа идеальная.

Хватаюсь за спинку дивана, потому что пол действительно уходит из-под ног, а комната начинает вращаться.

— Что за... — хриплю. — Кто это? Кто это, черт возьми?!

Глава 5.

— Привет... — воздух выходит из её легких с тихим свистом, и это одно слово бьет меня под дых.

Дело не в том, что она сказала. Дело в тембре. В интонации. В том, как голос чуть срыгается в конце. Черт возьми, это мой голос. Я слышу его каждый день в собственной голове, слышу на дурацких голосовых сообщениях, которые нен

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.